

Игра отражений

Автор:

[Надежда Мамаева](#)

Игра отражений

Надежда Николаевна Мамаева

Парящие твердыни

В мире, где среди облаков парят драконьи твердыни, кнессы делят меж собою власть, а правду отстаивают на божьем суде с помощью меча, случилось много чудес. И бродят там по трактам неприкаянные тьеньки – отражения душ. Их видят лишь те, кто не выполнил данной небесам клятвы. Они карают лжецов и спесивцев, а порою и тех, кому просто не повезло. Отнимают жизни. И скитаются по этому миру чернокнижники, что охотятся за светлыми чародейками и их силой.

А что будет, если в ночи встретятся на тракте две ненависти? А два одиночества? Да все, что угодно! Но одно можно сказать точно: эта встреча изменит их навсегда...

Надежда Мамаева

Игра отражений

Казалось, что я брожу по трактам добрую сотню лет. Или две. Хотя... кто знает, может, действительно так и есть. У смотрящих время течет по-другому. Не песком сквозь пальцы, как у простых смертных, а медленно и размеренно. Дни нанизываются, словно бусы на четки. Потому и сливаются все в одно целое, бесконечное.

Да, время не властно над теми, кому сами боги этого мира повелели ходить меж живыми и мертвыми и следить за тем, чтобы за нарушение клятвы взималась плата.

Сумеречные, или тьенки, как суеверно величали нас дланники, не знали усталости и сна. Хотя когда-то были простыми смертными, которым не чужды и боль, и радость.

Я тоже когда-то была такой. Смеялась летнему солнцу, радовалась вкусу спелой земляники на губах, жгучей холодной росе, что кусала пятки рано утром, улыбалась молочным туманам, что выстилали заливной луг, когда я бегала с мальчишками удить рыбу. А потом всего этого не стало. Мне повстречался чернокнижник, которому нужна была жертва. Простая девчонка стала разменной монетой на алтаре. Но умереть я тогда не успела. Черный маг сам не рассчитал своих сил, и вырвавшаяся из круга призыва тьма сожрала сначала его самого, а потом облизнулась и на меня. Но я каким-то чудом сумела дотянуться до одной из свечей пентаграммы и потушить ее.

Мрак схлынул обратно, в свою уютную бездну, а я осталась. Уже не живая, но еще не мертвая. Обреченная ходить меж теней.

Участь тьенки и почетна, и горька одновременно. Мы можем вечно скитаться меж теней и отражений, судить, казнить, миловать и всегда – ждать. Смертные боятся уйти за грань. Мы же, смотрящие, об этом порою мечтаем.

Сколько себя помню после того чернокнижного ритуала, я всегда двигалась: летела бесплотным духом по трактам или скользила смутной тенью по деревенским околоткам, становясь почти человеком, сновала в суетливой базарной толпе, металась по покоям кнессов и заглядывала в лачуги бедняков.

Не спала, лишь иногда позволяла себе чуть замедлиться: присесть под кроной раскидистого вяза, взглядеться в беззаботные лица влюбленных, которые не замечали никого вокруг себя, помечтать...

Но больше всего меня манили дети. Их искренность, не прикрытый маской лжи и лицемерия взгляд... Я смотрела на щербатые улыбки и сама улыбалась, словно становилась на несколько мгновений живой. Почти живой.

А еще с детскими клятвами всегда было просто и ясно. Они шли от самого сердца, из глубин души, без подтекстов и подводных камней. И наказывать за то, что дитя их не сдержало, было не так страшно: у молодых впереди еще много лет жизни. Месяц или даже год отнятого срока – плата тяжелая, но по малолетству подъемная.

Другое дело старики. У них и седмицу вынимать из земного срока, отпущенного богами, иногда было страшно (хотя вроде бы тьенкам страх неведом): а вдруг вот именно это время и было последним? И, отняв его, я вынимаю из старого сердца саму искру жизни.

Но случались и безголовые. Эти клялись, божились и... верили, что ничего им не будет за то, что не выполнят условий сговора с небесами. А потом они же удивлялись, когда я приходила по их душу. Кричали про то, что это все лишь словеса и бабкины сказки, что нету платы за невыполненный зарок... и с такими криками умирали. Потому как обещали эти пустословы много, очень много, и зачастую клялись собственной жизнью, светясь ярко, не хуже костра в безлунную ночь...

Сегодня небо было ясным, чистым, словно натертый песком до блеска медный таз. Парило. К вечеру наверняка будет гроза. А за ней – лужи. Последние я не любила, потому как всегда отражалась в них. Да и в зеркалах тоже.

В такие моменты я завидовала вампирам. Вот те наоборот: вроде бы из плоти, но, их лика в отражении не сыщешь. Я а же... часто только так и видна. Хотя бывает, что приходится и нацепить на себя личину простой смертной.

Сегодня мой путь был на судилище. Не только кессы бросают вызов друг другу, борясь за свою правду и свою женщину.

Ровно в полдень в бритали должны были скрестить мечи двое. И повод-то был, казалось бы, пустячный – слово. Но то на первый взгляд. А на деле...

Началось все седмицу назад, когда брюхатая жена кузнеца не могла разродиться. Местной повитухи в бритали не оказалось, зато в корчме как раз сидели пришлые: мать-знахарка с сыном. У последнего не то что борода, даже пух юношеский не проклюнулся. Туда и ворвался папаша, голося: «Спасите!».

Когда выяснилось, кого и от чего, собственно, спасать, а папаша слегка осип, лекарка встала из-за стола, подхватила свою суму и лишь сухо молвила:

– Веди, помогу.

Хрупкая на вид женщина, чье лицо уже тронули морщины, а волосы – седина, и вправду помогла разродиться молодой. Да только вот беда: плод лежал поперек, и, чтобы помочь ему появиться на свет, пришлось резать.

Когда же новоиспеченный папашка узнал, что над его женой и первенцем был занесен нож, не по божеским законам мальчик появился на свет, то заорал дурниной. Де черная ведьма хотела вовсе не подсобить, а убить его сына и забрать его душу, а то и вовсе сделать темным магом, паскудством, которое не достойна земля носить.

А тут еще откуда-то из толпы выискался дланник и заблеял:

– Ни годы, ни заклятья тому не страшны, кто женщиною не рожден. Но плата – черная душа и из костей сложенный трон, – от души подлил масла в огонь народного гнева слуга богов.

Толпа ополчилась и уже хотела закидать «ведьму» камнями, когда звонкий юношеский голос потребовал божьего суда.

Над мальцом посмеялись, но он в запале произнес слова клятвы да засветился так, что глазам стоявших рядом сделаюсь больно. Ни много ни мало свою жизнь, все время, что отпущено богами, малый поставил в зарок собственных слов.

Толпа отхлынула, зашепталась... Но кузнец требовал мести. Тогда градоправитель и послал вестника наместнику кнесса: пусть рассудит владыка спор. Быть ли по правде и выпустить в круг, где говорит сталь, этих двоих или плюнуть на слова мальчишки да и утопить ведьму с ее выродком, как требует народ и кузнец, пострадавший от чародейства.

И вот вернулся вестник, принеся в клюве слова владыки: не перечить божьему суду.

Знал ли кнесс, выводя руны на пергаменте, что сражаться будет здоровый мужик против мальчишки, которому минуло только двенадцать весен? Наверяд ли. А может, и знал, но решил, что боги ведают больше.

И вот сегодня на площади собрался народ. В клетке сидела мать-знахарка, на которую косилась толпа, а в круг готовились войти двое: отец, считавший, что его первенца чуть не убила (а может, и умертвила, а в колыбели уже лежит подменыш?) ведьма, и паренек, который едва держал меч, что одолжил ему один из стражников.

Я поспешила, заскользила меж теней, торопясь к тому, чью жизнь сегодня отниму. Паренек поклялся: либо он отстоит честь матери, либо умрет. Шансов на второе было изрядно. Но даже если кузнец и не убьет его, а лишь ранит, покалечит, оставив ему голову на плечах, мне придется вытянуть из мальчика всю жизнь до капли. Такова участь тьенки – следить, чтобы неисполненные клятвы становились проклятиями.

Проходя под воротами бритали, нацепила личину, стала одной из сотен горожанок, которые пришли поглазеть на то, что здесь называлось «божьим судом». Хотя по мне не суд это, а бойня. Суд – это когда сходятся равные.

Голос дланника уже звенел над площадью, объясняя всем и каждому, но главное – богам, что сейчас должно случиться перед их очами. Я нашла взглядом выгоревшую до льняного цвета макушку пацаненка. Он не выглядел на свои двенадцать. Этот тощий воробей, который едва мог поднять меч, тянул от силы на десяток зим. Недокормыш.

Зато напротив него стоял здоровяк, чья голова возвышалась над толпой на добрых три ладони. Косая сажень в плечах, бугры мышц, бычья шея. Такой и без оружия, одним ударом кулака отправит мальчишку к праотцам.

В клетке тихо, без слез плакала знахарка. Она могла гордиться тем, что ее сын, еще не достигнув дюжины лет, стал мужчиной, настоящим мужчиной. Жаль только, что недолго ему осталось ходить по земле.

Говорят, что смерть забирает раньше всего самых лучших. Нет. Не лучших. Просто честных. Может, оно и правильно? Ведь им – благородным, отважным, негнибаемым – ой как тяжело приходится в жизни, если они не умирают

вовремя, в самом расцвете лет.

Я уже приготовилась, даже иглу достала: случись сильная рана, что возвестит об окончании поединка, побыстрее проткнуть сердце мальчишки. Пусть не мучается долго, понимая, что проиграл, не сумел... Иногда быстрая смерть – милосердие.

Дланник закончил, кузнец уже шагнул в круг, когда над площадью раскатом грома пронеслось:

– И это божий суд? Что же это за справедливость, по которой сильный карает слабого?

Сквозь толпу шел мужчина.

Я пригляделась внимательнее. Нет, не совсем. Чернокнижник. Выбритые виски, один из которых украшала татуировка в виде розы ветров. А рядом с нею – шрам. И черная бездна глаз. Но его истинный облик видела только я. Для других это был просто горожанин в поношенной рубахе и линялых штанах. Могу поспорить, что и цвет глаз, и лицо у него было скрыто невзрачным мороком растяпистого обывателя.

– Да кто ты такой, чтобы молвить слово поперек древнего обычая? – вдруг взбеленился дланник. – Так заповедано: на божьем суде нет титулов и возрастов. Есть правда и кривда...

– Ну раз так, тогда я перед богами и людьми вызываюсь стоять за правду мальчика.

– Скажи, что еще и клятву его возьмешь! – выкрикнула я, подражая ору базарных баб.

Чернокнижник вздрогнул и обернулся. Наши взгляды встретились, и отчего-то я поняла: и меня этот чернявый видит тоже в истинном облике. Не одышливую толстуху, что обняла корзину с добром, а такой, какая я есть, – тьенкой. Со светлыми волосами, чуть изогнутыми белыми рожками, в легком платье и с длинной иглой в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/nadezhda-mamaeva/igra-otrazheniy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)